

№248 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

ЖЕНЩИНА

(А.Шмеман)

Нынешнее воскресение после Пасхи посвящено в Церкви женам-мироносицам, т.е. тем женщинам, которые, по рассказу Евангелия, пришли рано утром ко гробу Христа, чтобы совершить положенный по иудейской традиции обряд помазания тела благовониями, и стали первыми свидетельницами Его воскресения. Им первым является Христос и говорит: «Радуйтесь!». Их посылает сообщить апостолам о Воскресении. И вот, в связи с этим уместно взглянуть в образ женщины-христианки, каким рисует его Евангелие.

При чтении книг Нового Завета нельзя не заметить, что о женщинах там упоминается лишь в начале и в самом конце жизни Христа. В начале – это Его Мать – это рассказ о Рождестве в пещере, это принесение Младенца в храм Марией для отдачи его на служение Богу. Потом Она как бы исчезает. Однако, мы всё время чувствуем, что она рядом, близко, но без слов, молча. Разве что такой неожиданный рассказ евангелиста Иоанна о просьбе Матери Иисуса на свадебном празднике в Кане Галилейской – не хватило вина – такая, казалось бы, банальная подробность, бытовая мелочь, но праздник испорчен, радость омрачена. И вот – первое чудо Христово – превращение воды в вино. А затем опять молчание.

Христос учит и наставляет учеников, но оказывается за ним всё время следуют и женщины – служат ему. И, наконец, мы у Креста. Все бросили Страдальца, все бежали, все предали. Не только толпы, ходившие за Иисусом, ждавшие от него чудес, помощи, исцелений, но и самые близкие друзья – ученики-апостолы. И вот теперь-то и наступает час женщины. У креста стоит Мать, но не она одна. Евангелист Матфей повествует: «Там были также и... многие женщины, которые следовали за Иисусом из Галилеи, служа ему. Между ними были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых» (Мф.27,55-56). И когда наступает смерть, они, эти женщины, помогают снять тело с Креста и полагают его к пещерной гробнице. Они приходят рано утром, чтобы приготовить, омыть, убрать и похоронить это тело, и, наконец, они слышат это воскресное победное: «Радуйтесь!»

Что же всё это значит, на что указывает? Первое, что Евангелие навеки закрепило в женском образе – это любовь. Но не просто любовь, а любовь-заботу, любовь-службу, любовь-самоотдачу и притом любовь, ничего не требующую взамен. Ученики Христа спорят, кто из них выше, важнее, кому приготовлено лучшее место. Они спрашивают, сомневаются, рассуждают. Про женщин два слова: «Сле-

довали, служа». Это любовь без слов, любовь дела, любовь без сомнений. Это вечное врожденное материнство женщины, её вечный удел: позаботиться, накормить, вырастить, утешить, отдать всю себя с тем, чтобы в конце все потерять, ибо вырастая, сын уходит и дочь уходит, и каждый начинает свою жизнь. И Евангелие показывает нам всю красоту этой любви: забота в радости, забота в горе и в смерти.

Второе – это верность. Ученики бежали – женщины остались. В страшный час страдания, одиночества и смерти – эта молчаливая верность, молчаливое сострадание. Они не слышали учения Христа. Евангелие прямо утверждает, что они ничего не знали о воскресении, у них не могло быть никаких расчетов и надежд. Тот, кого они любили, за кем последовали, кому отдали всю свою любовь, свою заботу и свою верность, умер на кресте. Говоря по-человечески, всё рухнуло и ничего не осталось, кроме замученного мёртвого тела. Но осталась верность. Верность без расчета, верность до конца. И как просто, как кратко, но и как окончательно показана нам эта верность в Евангелии.

И, наконец, третье – вера и радость. И снова вера не рассуждающая, вера сердца, то знание, которым владеет только женщина. Не случайно, конечно, как повествует Евангелие, Христос первым является женщинам по воскресении. Потом был Фома с его: «если не увижу, не поверю» (Ин.20,25) – сомнения, условия. А о женщинах у гроба сказано: «И се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему» (Мф.28,9).

Всё это было давно, но если взглянуть в глубину веков, прошедших с того утра, то ясным становится, что этот образ женщины сохранился, жил и наполнил мир своей небесной красотой. Грохотала человеческая история, рождались и падали царства, строилась культура, бушевали кровопролитные войны, но всегда неизменно над Землей, над этой смутной трагической историей светил образ женщины – образ заботы, самоотдачи, любви и сострадания. И не будь этого присутствия, не будь этого света, наш мир, несмотря на все его успехи и достижения, был бы страшным миром. И можно, не преувеличивая, сказать, что человечность человека спасала и спасает женщина. И спасает не словами, не идеями и идеологиями, а вот этим своим молчаливым, заботливым, любящим присутствием. И если, несмотря на всё зло, царствующее в мире, не прекращается тайный праздник жизни, если он празднуется и в бедной комнате за нищенским столом также радостно, как во дворце, то радость и свет этого праздника в ней, в женщине, в её никогда не иссякающей любви и верности. Вина не хватило, но пока она тут: мать, жена, невеста – хватит вина, хватит любви, хватит света на всех. Христос воскрес!

Зачем поту кадилъница?

Зачем церковнослужителям носить свечи перед шествующим епископом или пресвитером? Ответ архипростой и одновременно для многих неожиданный. Чтоб те не споткнулись впотьмах и не рухнули наземь, или лбом не вписались куда ни будь – в стену, колонну или кивот. Скажете – так светло, ведь! Киловатт-ные светильники в храмах жгут электроэнергию!

Но так же было не всегда. О.Иоанн: «Дом моей бабушки Фёклы в Гопрах был электрифицирован, лишь когда мне исполнилось 9 лет – это 69-й. И храмов было до недавнего времени достаточно много, освещающихся исключительно свечами и

лампадами – в основном, из суеверной боязни – как бы Благодать Божью электричеством не спугнуть. Хотя, надо отдать должное – храм, освещённый исключительно свечами и лампадами, имеет свой шарм. Дом тоже – когда у бабули загорелись электролампы, я был расстроен – романтическая экзотика пропала».

Особенно, как мы говорили с Вами, необходимо было сопровождать духовенство огнём, когда Богослужения проводились в пещерах-катакомбах. Но времена те давно уж прошли, а обыкновение нести впереди священнослужителя подсвечник с возожжённой свечой осталось – по привычке, так сказать. И не только по инерции. Ну вот представьте себе наши с Вами Богослужения без иподьяконов, пономарей и, соответственно, без свечей, облачений пресвитерских и епископских, кадильниц и прочего! Обошлись бы, конечно, причём, без существенного ущерба, но, согласитесь, чего-то не хватало бы – хореографии, в своём роде.

Фимиам, к слову говоря, также почти утратил свою актуальность. «Почти», потому что, всё-таки, приятен для обоняния. О.Иоанн: «Не всегда, кстати – иногда такой ладан попадётся, что хоть из храма выбегай. Вон давеча я забраковал целую партию – в шутку сказал – «вычитках» его использовать, чтоб бесы скорее покидали одержимых».

Изначальная функция кадильниц весьма прозаическая – дезодорация воздуха в местах скопления простонародья. Ну, Вы понимаете – это сейчас – подойди к любому из нас поближе, вдохни воздух и испытаешь запах чистоты и свежести. Но так же было не всегда. Всего одно столетие назад абсолютное большинство народу источали обильный смрад. Ну, а как по-другому? У простых смертных не было ни ванн, ни душевых, ни гелей для мытья, ни шампуней, ни дезодорантов. Даже обычное мыло раньше было роскошью. Мыльнянкой-травой обходились. Аристократы – иное дело – у них с этим проще. Хотя, дело, ведь, не только в возможностях, но и в культуре. Представляете, в английском королевском дворце туалеты напрочь отсутствовали. Придворные справляли свою естественную нужду прямо в дворцовых коридорах, зайдя за ближайший угол. А они не «vulgus profanus», это аристократия, высший свет. Представляете запах – особенно когда так поступают все и постоянно!?

Да и ныне всякое случается – сравнительно недавно наш храм стал посещать молодой человек не очень здоровый, который по каким-то причинам решил обходиться без мыла. В храме стоять не то, что рядом с ним, а в радиусе 5-ти метров было невозможно. Мы ему ультиматум поставили – либо он соблюдает правила гигиены, либо молится в церковном дворе на свежем воздухе. Но нам проще – он такой в абсолютном меньшинстве. А если бы смердели из трёхсот прихожан двести восемьдесят? Именно так оно и было, причём, на протяжении колоссального периода времени. У классиков русской литературы 17-18-го столетий есть упоминания об этой проблеме. Да что говорить – в тех же наших 70-х, помнится, в Свято-Духовском соборе – полное кажение храма дьяконом перед литургией было отнюдь не хореографическим.

Отпевание умерших для пресвитера и певцов зачастую было испытанием. Это сейчас всё красиво – лежит покойничек в гробу, как конфетка, и благоухает. А в былые времена, особенно в сёлах – местонахождение почившего не обязательно было разыскивать по адресу. За несколько кварталов уже было слышно в какую сторону поворачивать. Ладан, конечно, мало помогал в таких случаях, но хоть как-то.

При кровавых жертвоприношениях Ветхого Завета возкурение фимиама было так же практической

необходимостью. Представьте себе жертвенник во дворе храма Иерусалимского, на котором непрерывно закалаются животные – кровь рекой льётся. Какие-то части сжигаются. Кто хоть раз бывал на бойне, знает, какой при этом запах. Но люди приходили туда не только принести жертву, но и помолиться, и должны были себя чувствовать хотя бы относительно комфортно. Поэтому кадильный аромат приходилось там использовать по максимуму. Так же и язычники – например, при том же Нероне, когда в Риме жгли христиан на кострах, повсюду устанавливали множество огромных пахучих курильниц, как-то перебивавших запах горелой человеческой плоти. Так, что кадильница в исторической ретроспективе – вещь весьма полезная.

А вот сегодня уже особой необходимости в ней нет. Прихожане наши вымытые и в одежде чистой, прихожаночки ароматные, эндорфины источающие. И, тем не менее, жалко с кадильницей расставаться – штука-то хорошая – и глаз радует, и слух – колокольчики там кругленькие такие на цепочках звенят, и обоняние ласкает. Да и пресвитер при деле – чего его стоять вкопанным у престола всю службу – размяться неплохо – алтарь покадить, собравшихся – людей повидать, себя показать. Неплохо, ведь!

Понятное дело, эти объяснения, которые мы всё пытаемся с Вами озвучить, они, конечно, историчны, правдивы, достаточно объективны, но вряд ли кого вдохновляют. Многие, наоборот, скажут, дескать, зачем нам нужна такая правда, которая весь культ сводит к бытовухе! Мол, в храме должно быть всё возвышенно и сакрально.

Кто спорит?! Впрочем это отдельный разговор – с этим нам следует ещё разобраться – встаёт так же вопрос – должны ли быть границы фантазиям в данной области?

Ну вот, если, например, та же кадильница теряет своё значение функциональное, давайте ей придумаем какую-либо новую роль – духовную, так сказать. Вот пусть она будет неким культовым символом! Ну и в конкурсе идей на первом месте под видом дымочка кадильного оказался символ нашей молитвы – мол, как дым поднимается ввысь, к небу, так и молитвы наши воспаряют ко Всевышнему. Почему бы и нет? И просто, и содержательно.

Собственно, со временем всем культовым предметам, придумывалось то или иное символическое значение.

Свеча, по одной из версий, означает свет Христа, всех нас просвещающий. Вполне!

А вот дьяконским стихарём – платьем таким, чаще всего парчовым – обозначили чистоту души служителя. Здесь уже надо бы возразить. А действительно ли так уж чисты души носителей этих облачений? Пресвитерский пояс знаменует Божественную силу, которая укрепляет священника в его служении. Также, наверное, годится. Ну а насчёт фелони, наверное, перемудрили. Символизирует эта риза, оказывается, не больше ни меньше – багряницу, в которую был облачён страждущий Спаситель. А ленты, нашитые на фелонь, де напоминают потоки крови, которые текли по Его одеждам. Эвоно как! Только позабывать воображению авторов подобных интерпретаций нам остаётся.

Причём, не только предметам придуманы разнообразные символические значения, но и ритуалам – тому же малому входу, например. Пресвитер несёт в руках Евангелие, и таким способом изображает Самого Иисуса Христа выходящего на проповедь Евангелия. А пономарь, идущий со свечой впереди, не просто освещает дорогу, а символизирует не много ни мало – самого Иоанна Предтечу – пророка. Вот так, однако!

*Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным*